

VI. Документы

Владимир Кантор

Русские европейцы на Западе: письма Ф.А. Степуна к Г.П. Федотову и В.В. Вейдле*

Поразительно, насколько интенсифицировалась интеллектуальная жизнь русских изгнанников. История словно в очередной раз поставила свой эксперимент: сохраняется ли в изгнании сила и дух мыслителей и поэтов. Это уже бывало не раз: от Данте до Герцена. Русские мыслители, вышвырнутые за пределы той культуры, внутри которой они дышали, оказались в каком-то смысле в безвоздушном пространстве. Надо было создавать воздух, придумывать машины по его выработке. Они были словно в некоей реторте, но наблюдал за ними разве что Бог, они были малоинтересны западным европейцам. Приходилось тянуть внутренние связи, искать тех людей на Западе, которые все еще продолжали любить русскую культуру. Но главная задача – создать собственные духовные центры, не политические просто, а именно центры, где может возгоняться дух.

У эмиграции была миссия, как это отчетливо выговорил Иван Бунин. В отличие от всех прочих эмиграций, существовавших доселе, *в изгнании по сути дела оказалась маленькая страна*: «Нас, рассеянных по миру, около трех миллионов»¹, – писал Бунин. И спрашивал: «В чем наша миссия, чьи мы делегаты? От чьего имени дано нам действовать и представлять? Поистине действовали мы, несмотря на все наши человеческие падения и слабости, от имени нашего Божеского образа и подобия. И еще – от имени России: не той, что предала Христа за тридцать сребренников, за разрешение на грабеж и убийство и погрязла в мерзости всяческих злодеяний и всяческой нравственной проказы, а России другой, подъяремной, страждущей... <...> А кроме того есть еще нечто, что гораздо больше даже и России, и особенно ее материальных интересов. Это – Бог и моя душа»².

Эта внутренняя сосредоточенность и стала предпосылкой тех духовных открытий, что как бы концентрировали все те предпосылки рождения русской фи-

* Ранее опубликовано в: Вопросы философии. 2009. № 6. С. 116-127. Данная работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 10-03-00064а).

¹ Бунин И.А. Миссия русской эмиграции // он же. Великий дурман. М., 1997. С. 127.

² Там же. С. 128-129, 134.

лософии, проявившиеся в эпоху Серебряного века. Почти все самые значительные свои работы русские философы написали в эмиграции. Это и С.Л. Франк, и Н.А. Бердяев, и Ф.А. Степун, и Г.П. Федотов, и И.А. Ильин, и В.В. Вейдле. Впрочем, они и сами это понимали. Б.П. Вышеславцев писал: «Русские философы и ученые, оказавшиеся за границей, продолжали здесь свою научно-философскую деятельность и здесь, в сущности, создали свои наиболее ученые и зрелые труды»³. Разумеется, была внутренняя эмиграция, тексты свои писавшая в стол, причем разных философских ориентаций. Скажем, с одной стороны можно назвать П.А. Флоренского, с другой Г.Г. Шпета. Часто кажется, что теперь, когда мы знаем их тексты, мы просто можем продолжить их открытия, встроившись в прерванную традицию. Вряд ли это возможно. Конечно, есть некая структурообразующая русской мысли, проявлявшаяся в разные эпохи. Но не надо забывать, что в данном случае речь идет о таком уровне духовного напряжения, которое рождается определенной социально-исторической ситуацией. Так что стоит говорить не о продолжении, а о внимательном и тщательном усвоении того опыта, который и формировал русскую мысль Зарубежья. Этот опыт должен дополнять наш собственный, создавая некое новое единство.

Очень спокойно и трезво, возражает современная исследовательница тем, кто полагает, что в эпоху философского Ренессанса начала XX века «философская Русь <...> успела взлететь в своем мыслительном восхождении высоко-высоко над землей. Поэтому, когда открылась возможность вернуться, довольно долго думали, что нам остается только найти точку прерывания, продолжить отсюда траекторию интеллектуального движения, и связь с русской философской традицией возобновится». Однако, продолжает Т.Г. Щедрина, специфика русского философствования «в том, что мысли не дали раскрыться в полную силу, не дали полностью выйти из "ученичества". <...> Русская мысль была прервана на взлете, она только-только начинала свое саморефлективное восхождение. <...> Прерванный полет русской интеллектуальной традиции – это ее недосказанность, требующая внимательного прочтения, актуализации и проблемного исследования»⁴.

Как можно погрузиться в ту эпоху, когда и в самом деле на земле установился ад, когда каждый мыслящий человек вынужден был стать Данте, чтобы пройти этими кругами и осмыслить их? Предельное напряжение жизни рождало предельное напряжение мысли. В стихотворении «Перед зеркалом» В. Ходасевич абсолютно гениально описал это духовное смятение русского эмигранта:

«Впрочем – так и всегда на середине
Рокового земного пути:

³ Вышеславцев Б.П. Вечное в русской философии // он же. Этика преображенного эроса. М., 1994. С. 158.

⁴ Щедрина Т.Г. Архив эпохи: тематическое единство русской философии. М., 2008. С. 108.

От ничтожной причины – к причине,
А глядишь – заплутался в пустыне,
И своих же следов не найти.

Да, меня не пантера прыжками
На парижский чердак загнала.
И Вергилия нет за плечами, -
Только есть одиночество – в раме
Говорящего правду стекла.»

18-23 июля 1924, Париж

Вергилия, действительно, не было. Приходилось брести ощупью, наугад, поддерживая друг друга. Наверно никогда люди не писали столько писем. Обсуждения заслуживало все: идеи, статьи, проблемы публикаций (это для пишущих людей было самое важное), ибо хотелось донести до мира свой опыт. Эмигрантская переписка огромна. Мне уже приходилось писать, что эмигрант – это, как правило, человек междумирья. Он поневоле живет в положении постоянного сравнения отечественной культуры и той, которая приютила его. Причем трудность его ситуации тем больше, когда он не добровольный эмигрант, а изгнанник. Возможно, такая жизнь в позиции «находимости-внеаходимости», которая характерна для великих художников⁵, обостряла остроту зрения и мысли и у людей, попавших в чужой мир и вынужденных к тому же полагаться только на себя. Остроту как по отношению к покинутой Родине, так и по отношению к стране-приюту. Это, кстати, тоже объясняет повышенный сегодняшшний интерес к духовным открытиям русской эмиграции. И не только к опубликованным ими в эмиграции текстам, но и к дневникам и переписке. Действительно, порой оценка общественной и духовной ситуации, звучащая в переписке, дает историку мысли весьма много поводов для размышлений и понимания.

Конечно, определение «чужой мир» не вполне подходит для русских писателей и мыслителей, изгнанных большевиками в 1922 г. за рубеж, в Западную Европу. Стоит отметить, что все в молодости они прошли учение в Европе, прежде всего в Германии. В 30-40-е гг. XIX в. русские студенты, желая повысить свой уровень, ездили учиться в немецкие университеты. Потом некоторое затишье в этом германском влиянии, пока русские вместе со всей Европой не увлеклись идеями Маркса. Ницше, Маха. В русской мысли произошел тогда своеобразный немецкий ренессанс. В 1890 г. С.Н. Трубецкой писал брату Е.Н.: «Не бойся писать, но написавши проверь свой труд в Германии. А то нет ничего опаснее этого

⁵ Не могу здесь не согласиться с весьма точным наблюдением Николая Вильмонта: «Вторжение инородного начала (расового или культурно-сословного) обычно только и делает большого человека полновластным хозяином национальной культуры. Тому первый пример – Пушкин, потомок “арапа Петра Великого” и правнук Христины фон Шеберх...» (Вильмонт Н. О Борисе Пастернаке: Воспоминания и мысли. М., 1989. С. 49.).

чисто субъективного, безапелляционного творчества без всякой другой поверки кроме книг, которые под конец и читаешь то под субъективным углом зрения. У нас кто за что взялся, тот в том и специалист. <...> Здесь научная жизнь имеет общественный характер, существует наука как живая общественная инстанция. И поверка этого коллективного сознания необходима; в каждом дельном ученом немце ты увидишь члена этой живучей умственной корпорации и если ты захочешь учиться, то почувствуешь ее отрезвляющее действие. Я испытал это уже отчасти»⁶.

В передовой статье в *Логосе* 1910 г., Федор Степун писал, что немецкая философия играет в Новое время ту роль, какую играла греческая философия в Античности. Цитирую: «Мы по-прежнему, желая быть философами, должны быть западниками. Мы должны признать, что как бы значительны и интересны ни были отдельные русские явления в области научной философии, философия, бывшая раньше греческой, в настоящее время преимущественно немецкая»⁷. Классическая немецкая философия продуцировала идеи и методы по всему миру. Продолжу цитирование Степуна: «Это доказывает не столько сама современная немецкая философия, сколько тот несомненный факт, что все современные оригинальные и значительные явления философской мысли других народов носят на себе явный отпечаток влияния немецкого идеализма; и обратно, все попытки философского творчества, игнорирующие это наследство, вряд ли могут быть признаны безусловно значительными и действительно плодотворными. А потому, лишь усвоив это наследство, сможем и мы уверенно пойти дальше»⁸.

В Хайдельберге он учился вместе с С. Гессеном, Н. Бубновым и другими русскими студентами. Степун слушал лекции Виндельбанда⁹, который преподавал ему первый урок о разности подхода немцев и русских к высшим вопросам бытия («разность наших духоустремлений», как назвал это Степун). Молодой студент «приехал в Европу разгадывать загадки мира и жизни»¹⁰, он требовал от профессора личного соучастия в вопросах о Боге, бессмертии и т.д., но Виндельбанд, «ласково улыбнувшись мне своею умно-проницательною улыбкою, <...> ответил, что <...> у него, конечно, есть свой ответ, но это уже его "частная метафизика" (*Privatmetaphysik*), его личная вера, не могущая быть предметом семинарских занятий»¹¹. Степун во многом усвоил эти уроки. Сошлюсь на слова Л. Зандера: «В структуре его души и творчества европейская и в частности германская традиция имеют огромное значение и можно сказать определяют собой его духовный лик. Он – европеец в лучшем смысле этого слова, он – представитель запад-

⁶ Из переписки князей С.Н. и Е.Н. Трубецких (публикация Н.В. Котрелева) // Вопросы философии. 2007. № 11. С. 96.

⁷ Степун Ф.А. Сочинения. М., 2000. С. 798.

⁸ Там же.

⁹ У Виндельбанда позже, в 1913 г., занимался и близкий Степуну Лев Зандер.

¹⁰ Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. Тт. I-II. Лондон, 1990. Т. I. С. 104.

¹¹ Там же. С. 105.

ной культуры, западного трудолюбия, западной честности и ответственности, и эта печать лежит на всем, что он делал, говорил и писал»¹². Потом при помощи Г. Риккерта Степун вместе с русскими и немецкими друзьями организовали международный философский журнал *Логос*. В журнале печатались Зиммель, Риккерт, Гуссерль. Сам он писал о немецких романтиках, Фридрихе Шлегеле, Рильке. Это был период, когда Степун считал основной своей задачей усвоить русской философии немецкие идеи последних лет, полагая в этом фактор европеизации России. Сам Степун был типичный «русский европеец», как определял русского мыслителя его ученик профессор А. Штаммлер.

Друг его юных лет Л. Зандер писал уже в конце жизни Степуна об этом увлечении русских философов Германией: «В этой нашей устремленности к культуре был однако один большой пробел, вернее односторонность. Европа являлась нам в своем немецком аспекте; Германия была для нас не только представительницей Европы, но едва ли не заслоняла собою другие лики Европы — французский, английский, итальянский, испанский — не менее значительные, чем германский. Эта aberrация была очень распространенной; как на пример ее укажем на описку такого глубокого ума, как о. Сергия (тогда профессора Сергея Николаевича) Булгакова. В своем предисловии к *Свету Невечернему* он пишет: «С тех пор, как Петр прорубил свое окно в Германию...» (sic!) и далее сетует на «засилие» Германии над русской душой. И правда — все мы ехали учиться в Германию, все мы увлекались неокантианством; и никто не думал и даже не знал имен Леона Блуа, Шарля Пегги, Маритена...»¹³

Но призыв учиться у Германии, как некогда средневековая Европа училась у древних греков, вызвал резкое возмущение у славянофильски ориентированных русских мыслителей. Отстаивание немецкого принципа философствования в тот момент, когда шла война с Германией, когда, по выражению Владимира Эрн, «время славянофильствовало», а движение немецкой культуры шло «от Канта к Круппу» (Эрн), требовало определенной стойкости. Не забудем, правда, и того, что Степун в отличие от «патриотических философов», был в действующей армии на германском фронте как русский прапорщик-артиллерист. Впоследствии в нацистской Германии это будет поставлено ему в вину.

Разве что такую же позицию как у Степуна можно найти у великой русской поэтессы Марины Цветаевой, писавшей в декабре 1914 г.:

«Ну, как же я тебя отвергну,
Мой столь гонимый Vaterland,
Где всё еще по Кёнигсбергу
Проходит узколицый Кант.»

Германии

¹² Зандер Л. О Ф.А. Степуне и о некоторых его книгах // Мосты. 1963. № 10. С. 322.

¹³ Там же. С. 321.

Затем пришла эпоха двух революций, когда разрушение России происходило под прикрытием марксистских тезисов. Степун и здесь не сдает позиций, отвергая вину немецкой философии в происходящем: «Совсем не марксисты <...> большинство низовых советских администраторов, из которых многие помешаны на имени Карла Маркса, но из которых никто, конечно, никакого Маркса не знает, уже хотя бы уже по одному тому, что он совсем не понятен вне Гегеля, манчестерства и тысячи других весьма сложных вещей»¹⁴. Более того, он и в социализме, как порождении европейской культуры, не видит вины: «Из того, что заболевшая грехом революции Россия, не переставая бредила социализмом, право, нельзя делать выводы, что она осуществила его»¹⁵.

Тем не менее, русские мыслители были изгнаны из объявившей себя социалистической России в Германию по договоренности с германским министерством иностранных дел, с которым у большевиков были тайные связи. Вряд ли изгнанники думали об этом, но они очень хотели передать свой невероятный для начала XX века духовный опыт приютившей их стране. Стоит привести слова, которыми С. Франк завершил свою книгу *Крушение кумиров*: «Великая мировая смута нашего времени совершается все же недаром, есть не мучительное топтание человечества на одном месте, не бессмысленное нагромождение бесцельных зверств, мерзостей и страданий. Это есть тяжкий путь чистилища, проходимый современным человечеством; и может быть, не будет сомнением вера, что мы, русские, побывавшие уже в глубинах ада, вкусившие, как никто, все горькие плоды поклонения мерзости Вавилонской, первыми пройдем через это чистилище и поможем и другим найти путь к духовному воскресенью»¹⁶. Беда была в том, что никто не хотел их слушать. Они не искали доходов и денег, нищая жизнь, скажем, Франка слишком известна¹⁷, они хотели быть востребованными как идеологи. Но Европа русским опытом пренебрегла, пока не свалилась в кошмар нацизма.

А русский опыт был очень важен. Интересно, что, пройдя как Данте сквозь ад, русские мыслители чувствовали себя взрослее своих вчерашних учителей, даже в интонации их рассуждений о Германии чувствуется отныне некая снисходительность взрослых по отношению к детям. Степун пишет о России, обращаясь к

¹⁴ Степун Ф.А. Мысли о России: Очерк VI. (Большой смысл и малые смыслы. Коммунистическая идеология и советская литература. Эмигранты и большевики) // он же. Сочинения / Составление, вступительная статья, примечания и библиография В.К. Кантора. М., 2000. С. 284.

¹⁵ Степун Ф.А. Мысли о России: Очерк IX. (Национально-религиозные основы большевизма: большевизм и Россия, большевизм и социализм; социалистическая идея и социалистическая идеология. Маркс, Бланки, Бакунин, Ткачев, Нечаев Ленин) // он же. Сочинения. С. 338.

¹⁶ Франк С.Л. Крушение кумиров // он же. Сочинения. М., 1990. С. 180.

¹⁷ Сын Франка вспоминал: «Свои лучшие труды он создал именно на чужбине, в труднейших бытовых условиях и, большею частью, в полном духовном одиночестве» (Франк В.С. Семен Людвигович Франк. 1877-1950 // Сборник памяти Семена Людвиговича Франка. Мюнхен, 1954. С. 3).

европейцам, одна из его книг выходит по-немецки, и здесь существенно отметить, что с этого момента Степун еще начинает восприниматься не только как русский, но и как немецкий писатель.

Конечно, поначалу Степун не думал еще о наступавшем на Германию новом движении, которое многие сравнивали с большевизмом, а многие видели в нем защиту от «советизации» немецкого государства. Недавно об этом написал немецкий историк Эрнст Нольте. Степуна волновали проблемы покинутой им России, бытовые проблемы, воспоминания о прошлом, а также налаживание контактов с эмигрантскими журналами и издательствами. Но первое, что его насторожило, – несоответствие его представлениям о сохраняющей разум христианства, верной своим базовым ценностям европейской культуре и тогдашней европейской реальности. Степун писал: «Вот мы изгнаны из России в ту самую Европу, о которой в последние годы так страстно мечтали, и что же? Непонятно, и все-таки так: – изгнанием в Европу мы оказались изгнанными и из Европы. Любя Европу, мы, «русские европейцы», очевидно, любили её только как прекрасный пейзаж в своём "Петровом окне"; ушел родной подоконник из-под локтей – ушло очарование пейзажа»¹⁸. Германия, как видел он, в растерянности.

В 1924 г. он публикует статью, описывая свои впечатления от немецкой современности, сравнивая со своим студенческим прошлым. Конечно, первым показателем для него явилась жизнь университетских городков, а в них – жизнь вчерашних его преподавателей. Он посещает Хайдельберг¹⁹, про который говорит, что это не город, а баллада, вспоминает В. Виндельбанда, А. Дитриха, Г. Еллинека, то есть обучавших его профессоров, и сравнивает их тогдашнюю жизнь с тем, как теперь живут немецкие профессора: «Очень изменилась жизнь студентов, не менее изменилась и жизнь профессоров. Во все профессорские дома вошла скучная, унылая, будничная нужда. <...> Холодная передняя, холодный коридор. В холодной квартире две-три отапливаемые комнаты. Маленькая печка, сверлящая жаром в спину, но не согревающая ног. По ногам ходит стужа – дует от окон и из под дверей. К обеду и ужину почти не приглашают. Приглашают или к чаю, или после ужина. Иногда в последнем случае добавляют “aber bitte nur halb angegesen”, – это значит, или будет холодный рис с сиропом, или вынесут бутерброды на маргарине. Все это производит очень тягостное впечатление. Пожалуй, более тяжелое, чем в России»²⁰.

Он слишком хорошо видел, как Германия иным путем, но скатывается туда же, куда уже скатилась Россия, по его выражению, «в преисподнюю небытия». В 1931 г. он писал своему другу Густаву Кульману: «При помощи теории Ницше и

¹⁸ Степун Ф. Мысли о России: Очерк III. // он же. Сочинения. С. 219.

¹⁹ Он пишет: «В годы, когда я учился в Гейдельберге, вся его жизнь до самых мельчайших подробностей определялась почти исключительно университетом. Он был больше, чем университетским городом, он был городом при университете» (Два Гейдельберга // Ежедневная газета «Дни». 1924. 6 января).

²⁰ Там же.

Бахофена, теории мифа и органического мышления, насаждается среди немецких народных учителей такой тупоумный шовинизм, что становится прямо-таки страшно за судьбу Германии и человечества. Насаждается сознательное, натуралистическое язычество, метафизическое мышление принудительно отделяется от этического, государство изображается, как мистерия крови, история преподносится в мифически-патриотическом порядке. Главы истории Рейн, восточная граница и немецкие меньшинства. Такая помесь Ничше и Илловайского, мифа и провинциальной оперы, что прямо-таки дышать нечем. И это все забивается в головы народных учителей в порядке принудительного слушания философских курсов. Решительно иной раз кажется, что Германии, при всех ее великих дарах, не дано дара политической мысли»²¹. А уже в статье 1932 г. он настроен совсем пессимистически: «Натиск двуединого красно-черного фашизма, правда, отбит, но предаваться ликованию демократии не приходится. <...> Потому, что национал-социализм, у которого за душою нет ни одной разумной и практически выполнимой политической мысли, вырос вдвое. <...> Почему зрелой германской демократии так трудно дается борьба с национал-социализмом? Ответ только один: потому что у национал-социалистов есть свой человек, резко оформленный целостным национал-социалистическим мирозерцанием. Потому что на их *страшных* собраниях есть *свой* дух, потому что им удаются народные празднества»²².

Он полагал, что, несмотря на самообольщение молодых национал-социалистов о возврате страны в Средневековье (христианское по своей сути), на самом деле Германия прыгнула в новое варварство. Степун вспоминает предание, что, «когда германцы крестились, они высовывали из реки руку, в кулаке которой был зажат меч». И добавляет, что *идеократический монтаж Гитлера* с утверждением свастики вместо креста, германской крови вместо крови крестной, ненавистью к немецкой классической философии, к «лучшим немцам типа Лессинга и Гете» родился «не в немецкой голове, а в некрещенном германском кулаке»²³ (курсив мой. – В.К.). Как профессор он это говорил своим студентам, противопоставляя нацизму классическую немецкую философию.

Наконец, его позиция вызвала то, что должна была вызвать – возмущение нацистских чиновников от образования, на него поступил донос, и он был изгнан из Дрезденской Высшей Технической школы. Сам он так откомментировал свое изгнание в письме к Кульману: «В школе весь семестр шли неприятности, которые к концу завершились моим удалением в отставку. Удален я внешне по весьма приличному параграфу, гласящему «об упрощении управления», но за этим нейтральным термином кроются другие мотивы, выяснившиеся в моей переписке с

²¹ Columbia University Libraries, Bakhmeteff Archive. Ms Coll Zernov. Box 9. Stepun, Fedor Avgustovich. To Maria and Gustave Kullmann.

²² Степун Ф. Третья Россия (рец.) // Новый град. 1932. № 3. С. 81.

²³ Степун Ф.А. Письма из Германии (Национал-социалисты) // он же. Сочинения. С. 900.

министерством. Был я уволен в сущности по двум мотивам. Во-первых, за христианский антирасизм, во-вторых, за русскость, не позволяющего меня рубрицировать как «заграничного немца», вернее, как члена заграничной немецкой колонии»²⁴. Жизнь его стала не очень предсказуемой, что он и сам понимал, замечая в письме к тому же адресату: «Ты сам лучше меня знаешь, что жизнь в Германии для такого человека, как я, вызывает ощущение пациента, у которого на рту лежит маска с хлороформом. Дышать трудно, предчувствуешь операцию и спрашиваешь себя по Кирке Гаардт, что это кризис – к смерти или к избавлению»²⁵.

Он действительно выжил чудом. Имел все предпосылки погибнуть от нацистов, но не погиб. Потом в день, когда англичане свирепо разбомбили Дрезден, не щадя мирных жителей, дом Степуна был полностью уничтожен, там погибли его архивы и годами собиравшаяся им библиотека. Но он и его жена в эти дни были за городом – и уцелели²⁶. Катастрофа была серьезная, но «любимец Фортуны», как иногда называли Степуна, в эти годы написал свой шедевр – свои мемуары, рукопись была с ним, и тоже уцелела. Но одновременно с этой страшной бомбардировкой стало понятно, что война подходит к концу, а вместе с этим приходит конец нацизму.

Конец 40-х годов жизнь Степуна и его жены по-прежнему не устоявшаяся. Но у кого она тогда была устоявшейся? Степун много ездит по городам с лекциями и докладами о России, которая стала очень интересовать немцев. Ему хотелось рассказать Германию правду о России, тем самым способствуя денацификации своей второй родины, ведь с 1926 г. он имел немецкое гражданство. Его удивляет, что многие сумевшие эмигрировать его немецкие друзья, не возвращаются, чтобы работать для возрождающейся Германии. Так он недоумевает по поводу позиции своего старого друга Пауля Тиллиха. В письме к Кульману он даже довольно резок: «От Тиллиха мы имели недавно очередное “послание” и небольшое личное письмо. Личное письмо тронуло нас сердечностью, милым, старым звуком (помните, как он <...> завидовал нам, что мы остаемся в Европе). Послание же к европейским друзьям очень разочаровало – какое-то унижение паче гордости: ничего-де не знаю, ничего-де не могу сказать, вам виднее. “Через три года начну писать богословскую систему по требованию американских студентов, а пока что, простите, дешево, по случаю купил себе домик, так как скоро по годам выхожу в отставку. Дети – американцы“. О возвращении ни полслова. Чем дольше я присматриваюсь к Германии, тем непонятнее становится мне национальное

²⁴ Columbia University Libraries, Bakhmeteff Archive. Ms Coll Zernov. Box 9. Stepun, Fedor Avgustovich. To Maria and Gustave Kullmann.

²⁵ Там же.

²⁶ Как сказал в юбилейной речи («Речь о Степуне») Д.И. Чижевский: «К концу войны враждебный Степуну огненный элемент превратил в развалины его город – Дрезден. Степун спасся почти случайно – во время одной поездки ему после небольшого “несчастливого случая”, оказавшегося счастливым, не удалось вернуться домой в Дрезден. Потом возвращаться оказалось некуда! И поток жизни вынес его в любящий искусство город на берег Изара, где мы празднуем его 80-летний юбилей» (Федор Ф.А. Встречи. М., 1998. С. 250).

чувство немцев. С одной стороны – страшный национализм, а с другой – уж очень легкое забвение своей родины. В свое время Пауль присылал нам “нарочных” с целыми программами освобождения Германии. Вот Германия свободна, наступил как будто бы его час – только и разговору, что о христианстве и социализме. Совершенно замечательная молодежь, по своей духовной глубине и зоркости совершенно не сравнимая с той, с которой я встретился в 1926-м году, страстно жаждет живого и ответственного, горячего и трезвого слова. Людей мало, каждый значительный человек на счету, – а Тиллих не едет! Я лично с величайшей радостью завтра же поехал бы в свободную Россию, если бы в ней была бы возможность того дела, которое я сейчас делаю в Германии. Обо всем этом я Paulus’у еще не писал. Как-нибудь напишу. Вы же ему пока о нашем разочаровании ничего не пишете»²⁷.

Все эти годы «русские европейцы», бывшие в эмиграции, так или иначе поддерживали друг друга. Необходимо, мне кажется, подчеркнуть, что термин «русские европейцы» объединял людей во многом несогласных друг с другом. Но их позиции как бы корреспондировали, дополняли друг друга, сходясь в главном – в вере в европейскую судьбу России. Их сравнивали и западные авторы, находя много общего. Так в рецензии на книгу Степуна *Большевизм и христианская экзистенция*²⁸, сравнивая ее с книгой Вейдле *Россия: верный и неверный путь*²⁹, немецкий публицист писал: «Степун не считает Россию аванпостом Азии, а, напротив, точкой опоры Европы в Азии. Он согласен с Вейдле, когда тот пишет: "В мире духовного Россия находится на обочине Европы, в мире действительного – Европа на обочине России". Тот, кто представляет себе политическо-военно-экономическую карту нашей части света, приходит к неприятному выводу, что существование Европы очень сильно зависит от того, что Россия и Америка сделают из своего европейского наследия»³⁰.

С Вейдле Степун придерживался некоей дистанции, не был так близко знаком как с Федотовым, соредактором по *Новому Граду*. О Федотове написал впоследствии немало теплых и проникновенных строк. Определяя его талант, он нашел удивительно точные слова: «Покойный Федотов был <...> одним из самых талантливых последователей Достоевского. Свои мысли о России он последовательно раскрывал в образах русских людей и русской истории, правильно чувствуя, что художественно-интуитивное созерцание мира ведет к более глубокому постижению его, чем то, которое доступно научно-рационалистическому познанию»³¹. Он посвятил соратнику монографическую статью, из которой, однако,

²⁷ Columbia University Libraries, Bakhmeteff Archive. Ms Coll Zernov. Box 9. Stepun, Fedor Avgustovich. To Maria and Gustave Kullmann.

²⁸ Stepun F. Der Bolschewismus und die christliche Existenz. München, 1959.

²⁹ Weidle W. Russland: Weg und Abweg. Stuttgart, 1956.

³⁰ Рецензия была опубликована в дюссельдорфской газете *Полдень* (Der Mittag.1959. 31 октября).

³¹ Степун Ф.А. «Новоградские» размышления // он же. Чаемая Россия. СПб., 1999. С. 314.

выясняется, что, несмотря на восхищение талантом Федотова, он понимал разницу их позиций. Это видно даже в его удивительно точной и любовной характеристике: «Среди наиболее крупных и значительных людей, перешедших от марксизма к Церкви, Федотов занимает, как мне кажется, совершенно особое место. Читая Бердяева, Булгакова, Франка или Струве, чувствуешь, что, придя к вере, они отошли от своего прошлого, претворили его в своем новом религиозно-философском утверждении веры и Церкви. Федотов единственный, который, придя в Церковь, не отказался от своего интеллигентски-революционного прошлого. Читая его, иной раз видишь перед собой типичного русского интеллигента-радикала марксистского толка, поселившегося в келье старца, и в этом не чувствуется раздвоение личности, а как бы религиозная двухполюсность ее»³². Он даже вынужден оговориться: «Моя характеристика федотовского творчества отнюдь не означает отрицательного отношения к нему. Наоборот: первая же прочитанная мною статья Федотова превратила меня в его поклонника, каким я поныне и остался. Только что перечитав почти все работы Федотова, я с новой силой почувствовал, до чего меня волнуют его образы и его ритм, его мысли и его двусмысленности, его страстность и его пристрастия. Все же скажу: чтобы с пользой читать Федотова, надо научиться его читать, что невозможно, если не найти ключа к стилистике его творчества»³³.

Надо сказать, что Степун при этом оставался как бы центром философско-издательских попыток своих друзей, абсолютно бескорыстно помогая им с публикациями в Германии. Он писал издателю Х. Пешке о Вейдле, о Федотове, которые жили вне приделов Германии. Скажем, Федотова он характеризует таким образом, что издатель не может не прислушаться к его словам. Вот отрывок из его письма Пешке от 08.04.1948 г.: «Я бы Вам рекомендовал обратить внимание на блестящего ученого и писателя – проф. Федотова в Нью-Йорке. Он пишет хорошо и много в русском нью-йоркском журнале, и я полагаю, что Вы хорошо бы сделали, если бы несколько его статей просто перевели бы. Сегодня я очень спешу, но охотно готов в следующий раз обстоятельнее рассказать Вам о публикациях Федотова последнего времени»³⁴.

И закономерно, что изгнанный в Германию мыслитель, в годы, когда на России и русской культуре ставили крест, ведет проповедь русской культуры, ее высших достижений, объясняя Западу специфику и особенности России. В 1952 г. он писал Б.П. Вышеславцеву: «Что сказать о себе? Как и все мы всё потеряли в Дрездене. Если что и жалко, то только русскую библиотеку, которая мне сейчас была бы особенно нужна, так как я получил в Мюнхене профессуру по истории русской культуры (*Russische Geistesgeschichte*). Этим летом исполняется уже два

³² Он же. Г.П. Федотов // он же. Сочинения. С. 749.

³³ Там же. С. 754-755.

³⁴ Deutsches Literaturarchiv Marbach a. N., Handschriften-Abteilung. Перевод с немецкого мой.

года моей мюнхенской деятельности. Интерес к России очень велик»³⁵. Он понимал, что как России нельзя без Запада, так и Западу нельзя без России, что только вместе они составляют то сложное и противоречивое целое, которое называется Европой. Степун и его друзья по эмиграции все свои силы направляли на то, чтобы фашизирующаяся Европа вернулась к своим базовым христианским ценностям, иными словами, говоря, быть может, немножко торжественно, но точно, желали спасти Европу. Не случайно одна из эмигрантских писательниц, знавшая Степуна, именно в этом регистре его и воспринимала: «Что заставляло меня верить, что Европа, вопреки всему, что случилось, зиждется на камне?» И ответ поразителен: «Там был Ф.А.Степун. Монолит, магнит, маяк. Атлас, державший на своих плечах две культуры – русскую и западноевропейскую, посредником между которыми он всю свою жизнь и был. Пока есть такой Атлас, Европа не сгинет, устоит»³⁶.

Архивная переписка показывает напряженность не бытовой, а духовной жизни русской эмиграции, тех русских мыслителей, которые, по слову поэта,

«Не кормились – писали,
Не о муках – о деле.
Не спасались – спасали,
Как могли и умели.

Не себя возносили
И не горький свой опыт –
Были болью России
О закате Европы.

Не себя возносили,
Хоть открыли немало, –
Были знаньем России!..
А Россия – не знала.»

Каталог «Современных записок», Наум Коржавин

Сейчас мы получаем потихоньку это знание. И пафос бытия русских изгнанников, отразившийся в стиле их жизни и отношений, показывает, на мой взгляд, публикуемая переписка.

³⁵ Columbia University Libraries, Bakhmeteff Archive. Ms Coll Vysheslavtsev. Box 1. Stepun, Fedor Avgustovich. To Boris Petrovich Vysheslavtsev.

³⁶ Жиглевич Е. На путях эмигрантских: Безмолвные встречи со Степуном // Степун Ф. Встречи и размышления. Лондон, 1992. С. 30-31.

Ф.А. Степун*

Письма Г.П. Федотову¹

1.²

Dresden 17-го ноября 1928 г.

Многоуважаемый Георгий Петрович,
Большое спасибо за присылку вашей книги³. Конечно, Илья Исидорович⁴ насильник большой, т.е. не столько он, сколько его энтузиазм. Все же мысль о переводе Вашей работы на немецкий язык не была им внушена мне, а пришла мне самому в голову в связи с полученным мною письмом, в котором некий Кресслинг (переводчик Булгакова) сообщил мне, что вскоре в Дрездене будет известный Вам, вероятно, Рейхель. Рейхель уже и раньше советовался со мною по поводу переводов русских работ на немецкий яз. Правда, Рейхель пока у меня не был, но все же я думаю, что издать Вашу книгу по-немецки надлежало бы. Основная трудность в том, чтобы найти переводчика, который стал бы переводить пока что задаром, в твердой уверенности, что книга до своего издателя дойдет. Читал я Вашу статью «Революция идет». В ней очень много интересного и поучительного. Мечтаю, что она появится в *Совр<еменных>*. *Зап<исках>*⁵. Есть в ней, правда, места весьма затруднительные для рядового интеллигентски-демократического сознания. Все же, мне кажется, что между Вами и редакцией *Совр<еменных>*. *Зап<исок>* никаких непреодолимых разногласий нет. У Ильи Исидоровича есть блестящая мысль, мысль о том, чтобы Вы написали у нас большую статью о современной советской литературе. Надеюсь, что Вы за эту работу возьметесь. Она очень важна и увлекательна. Привет Вам от Натальи Николаевны и меня.

Преданный Вам Федор Степун

* Данная работа подготовлена при финансовой поддержке РФНФ (грант № 10-03-00064а).

¹ Columbia University Libraries, Bakhmeteff Archive. Ms Coll Fedotov. Stepun, Fedor Avgustovich. To Georgij Petrovich Fedotov

² Текст рукописный.

³ В этом году Федотов выпустил книгу: Святой Филипп, митрополит Московский. Париж, 1928.

⁴ Фондаминский Илья Исидорович (Фундаминский) (литературный псевдоним – Бунаков) (1880-1942). Эмигрировал во Францию в 1919 г. Историк, публицист, редактор. Редактор журнала *Современные записки*. Один из организаторов Лиги православной культуры (1930). Вместе с Ф.А. Степуном, Г.П. Федотовым издавал журнал *Новый град*. Перед приходом в Париж фашистов отказался покинуть Францию и погиб в немецком концлагере 19 ноября, приняв крещение незадолго до смерти. Канонизирован Константинопольским Патриархатом в 2004 г. и причислен к лику святых.

⁵ Статья была опубликована: *Современные записки* (Париж). 1929. № 39. С. 306-359.

2.⁶

Dresden 27 января 1934 г.

Дорогой Георгий Петрович,

Вильгельма Гейне⁷ я очень хорошо знаю. Никакого основания переводить Вашу книжку он не имеет. Человек он недостаточно образованный, философскими и религиозными интересами не живущий и с издательским миром не связанный. Думаю, что решил он переводить на авось, рассчитывая, быть может, что-нибудь подработать. Вашего письма я ему поэтому не передавал. Предлагаю Вам написать ему, чтобы он обратился ко мне, я ему сообщу сутью правду, что я веду переговоры с “Gotthelfverlag’ом”⁸ о переводе Вашей книги⁹, и чтобы в случае удачи, на которую я твердо рассчитываю, я дам переводить книгу под моей редакцией опытному и уже имеющемуся у меня переводчику. Так мы дело, я думаю, благополучно рассосем. По существу же мои переговоры со Швейцарией касательно Вашей книги еще не очень продвинулись. Пока они выпускают *Человека* Бердяева¹⁰, затем Булгакова *Христологию*¹¹. Приняли, кажется, твердо *Сковороду* Чижевского¹², ведут переговоры со Штейнбергом¹³ о выпуске в сильно сокращенном виде его *Системы свободы у Достоевского*. Предложил я им еще и неболь-

⁶ Текст письма рукописный.

⁷ Личность не установлена.

⁸ Речь идет о цюрихском издательстве Gotthelf-Verlag, специализировавшемся на книгах, посвященных вопросам морали и религии.

⁹ Точно сказать, о какой книге Федотова писал Степун, затруднительно. Ближайшие по времени к этому письму были две: Федотов Г. И есть, и будет (Размышления о России и революции). Париж, 1932; он же. Социальное значение христианства. Париж, 1933.

¹⁰ Речь идет о книге: Бердяев Н.А. О назначении человека: Опыт парадоксальной этики. Париж, 1931.

¹¹ Возможно речь идет о начатой С.Н. Булгаковым трилогии: О Богочеловечестве. Трилогия («Агнец Божий», 1933; «Утешитель», 1936; «Невеста Агнца», 1945).

¹² Эта книга в результате вышла по-украински в Варшаве: Философия Г.С. Сковороди. Праці українського наукового інституту. XXIV. Серія філологічна. 1. Варшава, 1934.

¹³ Штейнберг Аарон Захарович (1891-1975) – эмигрант, исследователь творчества Достоевского, много писал о еврейской культуре и судьбе еврейства в России. Штейнберг принадлежал в равной степени к еврейской и русской культуре. Упоминаемая книга *Система свободы у Достоевского* (Берлин, 1923) была переведена на немецкий. Очевидно, Степун запомнил о русском первоисточнике и читал ее уже по-немецки, поскольку в 1962 г., он упомянул о «замечательной книге» Штайнберга, «по-русски, кажется, не вышедшей» (Степун Ф.А. Мирозерцание Достоевского // он же. Сочинения. М., 2000. С. 643). Не случайно он называет здесь статью Штейнберга «Идея свободы у Достоевского», что является прямым переводом названия немецкой книги: Steinberg A.S. Die Idee der Freiheit: Ein Dostojewskij-Buch. Luzern, 1936. Сам Штейнберг о появлении этой книги на немецком языке вспоминал, что перевод и издание его книги были сделаны по настоянию и при постоянной поддержке Карсавина: «Я всецело обязан Карсавину тем, что моя книга о Достоевском на немецком языке вышла в швейцарском издательстве. Лев Платонович, несмотря на то, что было трудно найти переводчика, нашел его и непосредственно оказывал на него давление каждый раз, когда приезжал из Парижа в Берлин в течение почти двух с половиной лет. Он интересовался и занимался этим, прямо как своим собственным делом» (Штейнберг А.З. Лев Платонович Карсавин // Карсавин Л.П. Малые сочинения. СПб., 1994. С. 491).

шую книгу Франка, за которую он только что садится¹⁴. Я видел его в Берлине, говорил с ним, и по моим представлениям он хочет сформулировать систему своей религиозной философии, систему негативного богословия на православной почве. Против всего этого плана ничего иметь нельзя, я его всячески поддерживаю, но в последнем письме в издательство написал, что после Булгакова следовало бы пустить Вас, как автора способного по своему писательскому дарованию захватить более широкие круги немецкой и швейцарской публики. Посоветовал я издать и *Есть и будем* (sic)¹⁵, как книгу, затрагивающую все острые и живые вопросы современной русской жизни на той религиозной и научной глубине, вне связи с которой они не разрешимы. О переводчике Вы не беспокойтесь. Если удастся провести книгу, то я переводчика найду и за переводом поспежу.

Что моя книга¹⁶ Вам понравилась, доставило мне большое внутреннее удовлетворение. Хотел бы знать, удержалось ли Ваше благоприятное впечатление до конца. Что касается первой части, то она написана не столько мною, как Бунаковым и Вами¹⁷. Во всяком случае, поскольку она представляет собою не историко-философскую конструкцию, а историческую живопись. Мне принадлежит по существу лишь вторая часть, т.е. построение идеи революции и переключение ленинского интернационализма в национальную тональность. Буду очень рад, если Вам удастся издать ее по-французски. Так как лик революции написан вприглядку и на европейские события, то книга может быть интересной и для французов. Я пишу об этом еще и Бердяеву, у которого, думается, тоже есть связи. Говорить об этом, конечно, еще рано, но все же уже сейчас хочу просить в случае, если бы дело удалось, найти абсолютно первоклассного переводчика, ибо я очень долго и страстно работал над ее языком.

Жалею, что Вы страдаете, как и Илья эпистолофобией. Я в последнее время очень страдаю от чувства нашей бездеятельности и нашего бессилия. Мне кажется, что эмиграция консолидируется на каких-то фашистских основаниях, что по всему пореволюционному фронту намечается водораздел религиозно-этического сознания и звериной бессознательности, что сейчас необходимо откликаться на все вопросы и бороться за каждую отдельную, в своем маленьком кругу ведущую человеческую личность. Грустно, что наша прошлогодняя атака Праги осталась без последствий. Обо всем этом хотелось бы слышать Ваше мнение, хотелось бы знать, есть ли у нас еще аудитория в Париже. С удовольствием написал бы Вам обо всем этом подробно, если бы Вы могли писать обстоятельные пись-

¹⁴ Видимо, из этого замысла вырос основной религиозно-философский трактат С.Л. Франка *Непостижимое*, опубликованный в Париже (Дом книги и Современные записки, 1939).

¹⁵ Степун ошибся в названии. Правильно: *И есть, и будет* (Размышления о России и революции). Париж, 1932.

¹⁶ Stepun F. *Das Antlitz Russlands und das Gesicht der Revolution*. Bern/Leipzig, 1934.

¹⁷ Имеются в виду общие всем «новоградцам» идеи.

ма. Всего хорошего, сердечный привет от нас обоих Вам и Нине Николаевне¹⁸, и дочке тоже.

Ваш Ф. Степ.

3.¹⁹

2-го июня 1935 г. Dresden.

Дорогой Георгий Петрович,
я очень виноват перед Вами, что по возвращении из Швейцарии не написал Вам сразу же о моем разговоре с Люцом²⁰, руководителем того издательства, в котором выходит серия русских религиозных мыслителей. Моя вина отчасти смягчается тем, что, расставаясь со мною, Lutz сказал, что сразу же напишет в Париж Lieb'у²¹ и Бердяеву о нашем с ним сговоре приступить к изданию Вашей книги. То, что Вы узнали о таком плане Lutz'a только от Федоровского, а не от Николая Александровича – меня несколько смущает, как смущает и то обстоятельство, что на мое письмо, касательно Вашей книги, отправленное мною недели две тому назад Lutz'у, я все еще не получил ответа. Должен сказать, что Lutz вообще производит несколько странное и в каком-то смысле не совсем серьезное впечатление. Дело, значит, было так: во время своего швейцарского турне (я прочел целых 14 лекций в 10 городах) я посетил, конечно, и Lutz'a и имел с ним долгую и обстоятельную беседу о нашей издательской деятельности. Так как ему с первым № серии, т.е. с моей книгой²² (за Вашу дружескую и блестящую рецензию²³ при-

¹⁸ Правильно: Елене Николаевне (жена Г.П. Федотова, урожденная Нечаева).

¹⁹ Текст письма рукописный. Это большое письмо, как видно по датам внутри текста, писалось больше месяца.

²⁰ Эрнст Лутц (Ernst Lutz) – ответственный редактор швейцарского издательства Gotthelf-Verlag, где через посредство Ф. Либа готовилась *Серия религиозных русских* (Reihe religiöser Russen).

²¹ Имеется в виду швейцарский протестантский теолог Фриц Либ (Fritz Lieb; 1892-1970). Был близок и с Бердяевым, и Степуном. Профессор в Бонне (1930-1933). После прихода к власти нацистов был выслан из Германии, с 1937 – профессор в Базеле.

²² Stepun F. Das Antlitz Russlands.

²³ Рецензия Георгия Федотова, отражающая взаимопонимание двух русских мыслителей была опубликована в журнале *Новый град* (Париж. 1934. № 9. С. 94-95). В ней он писал: «Это небольшая, блестяще написанная книжечка двояким образом связана с *Новым Градом*: именем автора, одного из его редакторов, и той общностью историко-философских идей, которая его связывает с двумя другими. Об этой связи свидетельствуют и цитаты из их книг в первых главах, дающих схематический портрет старой России: природа, крестьянство, интеллигенция, монархия. Но и здесь, конечно, вклад самого автора весьма значителен, и русский читатель узнает многое из *Мыслей о России*, печатавшихся годами в *Современных Записках*. Такова основная степуновская интуиция русской религиозности, которая непосредственно связывается им с созерцанием русской земли: как бесконечность (максимализм) и бесформенность (варварство). Большевик для автора есть “псевдоморфо́за”, или отрицательная форма этой русской религиозности. В анализе русской революции и особенно идей ленинизма, которому посвящена вторая часть, Степун вполне оригинален и вполне свободен от возможного упрека в схематизме. Убийственно вскрыты все парадоксы марксизма в крестьянской революции, дана мастерскими штрихами философия революции, как таковой, с ее гибелью реакционных и революционных идеологий, и даже нарисован конкретный образ большевистской диктатуры

ношу Вам свою запоздалую, но искреннюю благодарность) повезло (книга выходит в английском, французском и, вероятно, итальянском переводе), то он был весьма предприимчив. Во время нашей беседы он сам выразил, на мой взгляд, вполне правильную мысль, что после моего анализа большевизма, а также и в связи с двумя книгами о большевизме Бердяева (Vita nova Verlag) надо дать швейцарскому читателю углубленное представление о православно-русской религиозности. На этом повороте его мысли я и предложил ему Вашу книгу о русских святых²⁴. Мысль ему страшно понравилась и мы с ним дело принципиально *покончили*. Я должен был Вам предложить дать книгу на 200 – 250 страниц, содержащую ряд жизнеописаний русских святых, наиболее крупных, типичных и разных. Lutz'у представлялось необходимым написать к этим жизнеописаниям обстоятельное религиозно-психологическое и историко-философское введение с указанием типических черт русской святости в отличие от католической. Сейчас об этом подробно писать не буду, но мне кажется, что для успеха дела было бы важно *переработать* Вашу русскую книгу; дать меньшее количество имен и образов, но зато более обстоятельно изобразить жизнь и подвиг тех немногих святых, на которых Вы остановите свой выбор. Я лично был бы и за то, чтобы освятить²⁵ не первые столетия, а последующие, начав с Сергия Радонежского и кончив Серафимом Саровским, а может быть, даже и Иоанном Кронштадским, хотя он и не канонизирован. Для всех иностранцев «Святая Русь» важна сейчас не как древность и история, а как дыхание новой жизни. Святой – как современник, или как почти современник, вот, что для них совершенно невозможно. В возможности чего их нужно убедить. Таковы были мои разговоры с Lutz'ом. Мы расстались на том, что дело кончено и что рукопись Ваша принята, *независимо от того, понравится ли она Lutz'у*. На этом последнем условии я особенно настаивал, понимая, что писать на авось Вам будет очень тяжело. Предполагали мы, что Вы к концу сентября сдадите рукопись уже в немецком переводе, и что книга выйдет в начале ноября. Ответственность за перевод я взял на себя.

В Берлине я встретил совершенно голодных Федоровских, которым, рассказывая о Швейцарии, сообщил и о Вашей книжке. Они схватились за мысль ее перевода на немецкий язык. Я согласился в принципе. Думаю, что как люди серьез-

первых лет, беспощадный и правдивый. Ярко вскрытые безумия и мнимость революции, как идеологии, не отбрасывают автора в контрреволюционный стан. По новгородски он борется против большевизма и слева и справа за новую Россию, трезвую и очищенную страданием, призванную к “примирению идей” на почве, удобренной пеплом “идеологий”. Нужно ли говорить о мастерстве, с которым написана книга? Тем из наших читателей, кто знает лишь русского Степуна, скажем, что, по-видимому, немецкий язык дает полную меру всех возможностей его стиля. Этот пьянящий кубок, где философские абстракции играют и искрятся с легкостью, не отнимающей ничего у глубокой, порой трагической серьезности, только и возможен для языка Гете и Ницше. Степун владеет им, как артист и как мыслитель». Как видим, Федотов во много согласился с самооценкой Степуна из предыдущего письма по поводу этой книги.

²⁴ Речь идет о книге Г.П. Федотова *Святые древней Руси* (Париж, 1931).

²⁵ У Степуна именно так!

ные, философски образованные и уже долго живущие в Германии, они справятся с задачей хорошо. Конечно, я попросил бы дать себе перевод первой главы, и, конечно, лишь просмотрев его, дал бы свое окончательное согласие.

В заключение я должен сказать, что хотя мною все было окончательно улажено и устроено, я в данную минуту имею какое-то ощущение неуверенности. Боюсь, не передумал ли Lutz, боюсь, есть ли у него деньги. Как только получу ответ, напишу Вам. Бердяев в июле выходит. Он уже всюду публикуется. Я получил в большом количестве подписные листы. Постараюсь сделать все, что могу, хотя боюсь, что помешает запрещение последней книжки Николая Александровича в Германии.

19-го июня 1935 г.

С ужасом убеждаюсь, что между началом этого письма и его продолжением прошло целых две недели, даже больше. Как они пролетели и сказать не могу. Дело в том, что 27-го наше соловьевское общество устраивает в пользу церкви, и потому на немецком языке большой литературно-музыкальный вечер. Надеюсь на приличный доход, а то церковь у нас тут совсем погибает. Но проведение такого вечера требует громадного напряжения сил и заполняет дни страшную суетою. Простите, пожалуйста, этот долгий перерыв.

Что касается *Нового града*, то я считаю необходимым напрячь все силы и продолжать начатое дело. Внутренних трудностей я не вижу. Линия взята нами правильная. Внутренне мы все больше сходимся и объединяемся. Развитие как культурное, так и политическое, как в России, так и в Европе подтверждает, по-моему, правильность взятой нами линии. Группа наша имеет в своем распоряжении достаточное количество и знаний, и способностей, чтобы вести большое дело. Моя последняя швейцарская поездка убедила меня, что наши русские мысли являются всеевропейски значительными принципами. Из всего этого следует, что все наши трудности – трудности внешнего порядка. Нам нужны деньги и аппарат. Вопрос – можно ли найти первое и создать второе. Деньги найти, по-моему, можно. И у меня, и у Бунакова, и у Кульманов²⁶, думаю, есть возможности добыть небольшие начальные деньги, чтобы выпустить десятый №. Все дело только в том, чтобы выпущенный № не остался бы на книжных полках, а дошел бы до читателей. Это дохождение почему-то нам не удается, и не удастся не только нам, но и *Современным запискам*. Я не раз убеждался, что люди не подписыва-

²⁶ Семейство Кульманов жило в Швейцарии и Лондоне. Густав Густавович Кульман (1896-1961), швейцарец, родившийся в Голландии, учился в Йельском университете. Юрист по профессии, поклонник русской культуры, он встречал русских философов, высланных «на философском пароходе», помогал в их трудоустройстве, один из создателей и соредкторов (вместе с Бердяевым) журнала *Путь*, работал в ИМКА-Пресс, с 1931 г. работал в международных организациях по интеллектуальному сотрудничеству. Он был одним из первых спонсоров журнала *Новый град*. С 1938 г. – заместитель Верховного комиссара по делам беженцев при Лиге Наций, потом при ООН, занимался делами перемещенных лиц (DP), помогал еврейским беженцам, его именем назван один из кибуцев в Израиле. Степун был его многолетним другом, начиная с 20-х гг.

ются просто потому, что они не знают о существовании журнала, что они не знают, как переслать за границу деньги, главное же, я убедился, что экспедиция *Нового града* не высылает книг по сообщенным ей адресам. Мы неизбежно погибнем, если не найдем настоящего *технического* организатора, который был бы связан с представителями *Нов. гр.* в разных странах, которые держали бы в свою очередь связь с наиболее живыми людьми своих стран. Думаю, что отец Александр Рубец²⁷ в Стокгольме мог бы взять на себя распространение нашего журнала в скандинавских странах, в Брно мог бы кое-что делать секретарь движения Виссарионов²⁸, в Швейцарии надо серьезно запрячь Марию Михайловну Кульман²⁹, в Германии скорее всего Федоровский³⁰. Есть под Берлином молодые и очень талантливые ученые Чарапкин и Тимофеев³¹, которые нам сочувствуют и, собирая у себя наиболее ценных людей Берлина, могут нам помочь. Правда, они несколько более крест-росского³² и евразийского толка, а потому подчас наводят на нас серьезную критику. Я об этом подробно писал Илюше, но он тогда отмахнулся, написав мне, что берлинские настроения не характерны. Думаю, что он не прав. Сейчас Тимофеевская группа предлагает нам слиться. Они хотели бы участвовать в журнале и распространять его и как свой орган. Но они придали бы ему несколько геополитический и экономический характер. Люди они церковные и очень определенно примыкают к Сергиевской советской церкви. Илюша должен был со всеми представителями вести неустанную переписку. Всем нам надо объезжать паству и, главным образом, пасту лимитрофную. Без такой планомерной работы ничего не выйдет. Если она не возможна, то лучше отказаться от журнала и издавать солидные сборники, серьезно разрабатывающие основные проблемы мирового и российского положения.

8-го июля, 5 г.

Вот уже снова прошло три недели с тех пор, как писал Вам. 27-го июня прошел с успехом наш соловьевский вечер (день русской культуры). Несмотря на 30° жары было 500 человек. Доход только еще подсчитывается, но уже ясно, что он превысит 500 марок. 50% мы передаем церкви, но на остальные можно было бы пре-

²⁷ Протоиерей Александр Рубец (Рубец Александр Александрович; 1882-1956). В 1918 г. эмигрировал в Швецию. Профессор русского языка и литературы Упсальского университета и Правительственной гимназии в Стокгольме, затем Стокгольмского университета

²⁸ Виссарионов А.С. В эмиграции в Чехословакии. Доктор медицины. Один из организаторов и руководителей кружков Русского студенческого христианского движения (РСХД) в Чехословакии (Брно, Худобин и др.).

²⁹ Мария Михайловна Кульман (1901-1965; урожденная Зернова) – жена Г.Г. Кульмана.

³⁰ Личность не установлена.

³¹ Вероятно, речь идет о Н.В. Тимофееве-Ресовском (Тимофеев-Ресовский Николай Владимирович (1900-81), российский биолог, генетик, один из основоположников популяционной и радиационной генетик, в Германии возглавлял отдел в Институте мозга) и его соавторе Л.С. Чарапкине. После войны оба были арестованы НКВД и осуждены как невозвращенцы, приговорены к работам в ГУЛАГе (1946-54).

³² Имеется в виду организация Крестьянская Россия – Трудовая Крестьянская Партия (ТКП), существовала с 1921 г. до 1939 г.

красно выпустить десятый №, если бы у нас была иная культурно-политическая конъюнктура в русской колонии. Но все же я надежды не теряю.

С большим удовольствием и с полным согласием прочел Вашу статью в последнем № *Совр<еменных>. зап<исок>*³³. Я давно думаю и утверждаю, что нашим реальным эмигрантским делом и подвигом может быть только культурное творчество, одновременно традиционно упроченное и пророчески к будущему обращенное. Важно найти только какой-то новый действенный стиль и тон этого творчества. Я сейчас много думаю над темой заказанной мне в Швейцарии книжки о самоутверждении Европы и чувствую, что надо писать не так, как большинство писало раньше. Книжка, которая способна захватить людей пореволюционного сознания должна быть относительно краткой, очень четкой и исполненной быстрого поступательного движения. Я сам лично не люблю или, по крайней мере, не в первую очередь люблю волю. В воле есть что-то глупое, потому что воля всегда верит в какой-то исход. Но современный человек этой вульгарности и глупости воли не чувствует, как он не чувствует своеобразной мудрости растерянного чувства и безысходной грусти. В новой Германии совсем нет *скорбных* людей и *скорбящих* глаз; есть радостные, бодрые, волевые, ясные и жестокие глаза; есть также растерянные, испуганные, злые, замученные, но скорбных нет. Я думаю, что к Новому граду надо найти какой-то волевой стиль слова и мысли, если мы хотим влиять. В своих лекциях я, кажется, кое-что нашел, но пишу еще слишком лично и тонко. Думаю, что моей статьи о Белом молодым людям уже не понять. Может быть, хотя это и очень прискорбно, сейчас надо как-то сознательно отделять в себе свое словесное творчество от культурно-политической *службы* устным и письменным словом. Обо всем этом очень хотелось бы и с Вами, и со всем нашим кругом поподробнее поговорить. Бог даст, мы с Вами как-нибудь все же увидимся.

В свое время крестроссы³⁴ очень интересовались Вами и все мечтали выписать Вас в Прагу. О том же самом еще больше мечтаем и мы, новоградцы. Я сейчас очень отрезан от внешней эмигрантской жизни и не представляю себе, возможна ли в принципе Ваша поездка в Прагу или в Прибалтику, куда меня очень приглашали два года тому назад. Если бы такая возможность была, мы с Нат. Ник. были бы очень рады, если бы Вы некоторое время прожили у нас. Я сейчас чувствую глубокое духовное одиночество и почти полную отрезанность от России, так как здешняя русская колония отчасти мало духовна, а отчасти гораздо ближе Германии, чем России. Ехать же в Париж пока еще трудно.

Если бы мог еще долго писать Вам, то охотно побеседовал бы на затронутую Вами в статье тему о международности науки и о чужой языковой форме. В этом семестре у меня был очень интересный и высококачественный профессорский семинар на тему о национальных мирозерцательных и религиозных предпо-

³³ Речь идет о статье «Новый идол»: Современные записки (Париж). 1935. № 57. С. 397-411.

³⁴ Крестьянская партия.

ссылках «международной по самой идеи» науки, в котором я весьма напал на эту международность и доказывал, что на пути к этой международнойности стоит прежде всего языковая форма. Я очень долго практически разрешал для себя эту проблему и пришел к убеждению, что даже мне, действительно знающему немецкий язык, не просто переходить с русского на немецкий. Если мои последние немецкие книги о театре и о русской революции словесно удались, то только потому, что они являются совершенно вольными переводами–переделками русских книг. Все эти мысли меня очень остро волновали и на протяжении всего моего летнего курса, в котором была целая глава, посвященная социологии языка. Приезжайте, обо всем этом мы с Вами поговорим.

Пока кончаю. От швейцарца Лутца за все это время не поступило ни строчки по поводу Вашей книги. Он мне присылает свои издательские проспекты, рецензии на мою книгу, но писать – ничего не пишет. Решительно происходит нечто загадочное. На днях пишу ему снова. Чижевский свою книгу взял у него обратно³⁵. Вам и Елене Николаевне³⁶ наш самый душевный привет.

Искренне Ваш Ф. Ст.

4.³⁷

1-го июля 1949 г.

München 27. Mauerkircherstr. 52

Дорогой Георгий Петрович,

уже давно собираюсь написать Вам и думаю – скоро соберусь. Об очень многом хотелось бы поговорить, отчасти и в связи с Вашими статьями в «Новом журнале», который я всегда читаю с величайшим удовольствием, но не всегда с абсолютным согласием, хотя в общем наши точки зрения в основном совпадают. Сейчас пишу Вам по конкретному поводу, хочу просить у Вас покровительства нашему другу и моему слушателю Петру Александровичу Муравьеву³⁸. О себе, своих разочарованиях в мюнхенской эмиграции и о своих надеждах на Америку он расскажет Вам сам. Я же хочу лишь рекомендовать Вам его, как горячего и талантливоего человека.

Наташа и я шлем Вам и Вашей жене наши самые сердечные приветы.

Ваш Федор Степун

³⁵ Очевидно речь о книге Д.С. Чижевского о Сковороде.

³⁶ Жена Федотова.

³⁷ Текст письма рукописный

³⁸ Лицо не установлено.

Ф.А. Степун*

Письма к В.В. Вейдле¹

1.

Prof. Fedor Stepun, München 27, Mauerkircherstr.

25-го июля 1949 г.

Дорогой Владимир Васильевич,

Высланные Вам книги Вы, надеюсь, получили. Надеюсь и на то, что Вы уже успели хотя бы заглянуть в них.

Недавно были у нас парижане: Зеньковский², Шмеман³, Зандер⁴ и Морозов. Лев Александрович обеспокоил меня сообщением, что ИМКА в принципе издает лишь книги, еще не напечатанные на каком-нибудь другом языке. В связи с этим известием спешу сообщить Вам, написанные мною по-русски *Воспоминания* я должен был выпустить в немецком переводе⁵, хотя бы уже потому, что мне решительно нечем было жить. Лишенный по политическим соображениям кафедры уже в 37 году, я после переезда из Дрездена в Баварию перестал получать и ту жалкую пенсию, которую мне выплачивали, пока я жил в Саксонии. Немедленный аванс под *Воспоминания* был для меня единственным выходом. Может быть, вы сочтете правильным сообщить об этом Дональду Ивановичу⁶. В разговоре с ним было бы, быть может, правильно упомянуть и о том, что я был лишен кафедры, во-первых, за русский национализм⁷, во-вторых, за «практикующее»

* Данная работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 10-03-00064а).

¹ Columbia University Libraries, Bakhmeteff Archive. Ms Coll Weidle.Box 3. Stepun, Fedor Avgustovich. To Weidle, Wladimir

² Зеньковский Василий Васильевич (1881-1962) – философ, богослов, публицист, мемуарист. Эмигрировал в 1920 г. С 1926 г. – в Париже. Самый известный его труд – *История русской философии* (Париж, 1948-1950).

³ Протопресвитер Александр Шмеман (Шмеман Александр Дмитриевич; 1921-1983)

⁴ Зандер Лев Александрович (1893-1964) – религиозный философ, экуменический деятель. Автор большой статьи о Степуне: О Ф.А. Степуне и некоторых его книгах // *Мосты*. 1963. № 10. С. 318-340.

⁵ Stepun F. *Vergangenes und Unvergängliches: Aus meinem Leben*. 3 Bde. München, 1947-1950.

⁶ Дональд Иванович Лаури (Donald Lowrie; 1899-1974) был чистокровным американцем. Один из руководителей издательства ИМКА-Пресс. Будучи американцем, он использовал свои связи с американским YMCA и добился для русских крупной материальной помощи из Америки

⁷ В доносе 1937 г. говорилось: «Степун, несмотря на свое немецкое происхождение не может рассматриваться как “зарубежный немец” (Auslandsdeutscher), его близость с рускостью (Russentum) много теснее, нежели с немецкостью (Deutschtum). Он сам определяет себя как немецкого русского, но во всяком случае нигде не исповедует своей немецкости. Его близость к рускости выясняется и из того, что он русифицировал свое исходно немецкое имя Фридрих Степпун (Steppuhn), получил русское гражданство и в исполнение соответствующих гражданских обязанностей сражался в русском войске против Германии, а также женился на русской. Также будучи немецким чиновником чувствовал он и далее свою связь с рускостью и

христианство и, в-третьих, за семитофильство⁸, на что у меня есть письменные доказательства. Говорю об этом лишь потому, что боюсь, как бы даже и меня не заподозрили в коллобораторстве. Я не знаю ближе Дональд Ивановича, но знаю многих американцев, страдающих коллобораторским психозом.

Знаю от Пешке⁹, что в 17 ном. *Меркура*¹⁰ появится Ваша статья о Пушкине, которую жду с нетерпением. Думаю, что Вы могли бы интенсифицировать Вашу писательскую работу в немецких журналах. Как ни как они весьма прилично платят. Французы же, кажется, весьма скупо.

Вчера был у нас Роман Борисович Гуль¹¹, с которым много говорили о парижских делах. Слышно, что у вас готовится большая общественно-литературная газета, которую будет редактировать, кажется, Алданов, а политически лидировать Екатерина Дмитриевна Кускова¹². Боюсь, что выйдет немножко лебедь и щука. Не дай Бог, если присосется еще и какой-нибудь рак.

в дрезденской русской эмигрантской колонии играл выдающуюся роль прежде всего как председатель общества Владимира Соловьева» (Treiber H. Fedor Steppuhn in Heidelberg (1903-1955): Über Freundschafts- und Spätbürgertreffen in einer deutschen Kleinstadt // Heidelberg im Schnittpunkt intellektueller Kreise: Zur Topographie der «geistigen Geselligkeit» eines «Weltdorfes»: 1850-1950 / Ed. Treiber H., Sauerland K. Opladen, 1995. P. 97-98).

⁸ В том же доносе весьма забавно Степун обвинялся в том, что он должен бы был переменить свои взгляды «на основании параграфов 4-го или 6-го известного закона 1933 г. о переориентации профессионального чиновничества. Эта переориентация не была им исполнена, хотя прежде всего должно было ожидать, что как профессор Степун определится по отношению к национал-социалистическому государству и построит правильно свою деятельность. Но Степун с тех пор не предпринял никакого серьезного усилия по позитивному отношению к национал социализму. Степун многократно в своих лекциях отрицал взгляды национал-социализма прежде всего по отношению к целостности национал-социалистической идеи как и к значению расового вопроса, точно также и по отношению к еврейскому вопросу в частности важного для критики большевизма» (Treiber H. Fedor Steppuhn in Heidelberg. P. 98).

⁹ Hans Paeschke – издатель и редактор журнала *Merkur: Deutsche Zeitschrift für europäisches Denken*. Степун состоял с ним в переписке. Опубликовал там статью о Бердяеве: Nikolaj Berdjaew // *Merkur*. 1949. Vol. 3. No. 10. P. 953-969. В письме к Пешке от 26 августа 1949 г. советовал для написания статьи о Вячеславе Иванове «обратиться в Париж к Вейдле, который у Вас уже писал о Пушкине. Вейдле невероятно образованный человек, хороший знаток русского символизма и очень элегантный, может быть, даже слишком элегантный писатель» (Deutsches Literaturarchiv Marbach a. N., Handschriften-Abteilung). Перевод на русский мой.

¹⁰ Имеется в виду журнал *Merkur: Deutsche Zeitschrift für europäisches Denken*.

¹¹ Гуль Роман Борисович (1 августа 1896, Киев – 30 июня 1986, Нью-Йорк) – русский писатель, эмигрант, публицист, критик, мемуарист, общественный деятель. Первопоходник, участник гражданской войны и Белого движения. С 1920 г. жил в Берлине. После прихода к власти нацистов был заключен в концлагерь. Через некоторое время освобожден и эмигрировал в Париж. Во время немецкой оккупации Франции, скрываясь от ареста, жил на ферме на юге Франции, работал на стеклянной фабрике. С 1950 г. жил в США. Сотрудник, а затем главный редактор (с 1966 г.) *Нового журнала*.

¹² Кускова Екатерина Дмитриевна (1869-1958) – российская политическая деятельница. В кон. 1880-х — нач. 1890-х гг. народница, затем марксистка. Автор *Кредо* (не предназначалось для печати). Кускова, обвиненная В.И. Лениным и другими ортодоксальными марксистами в «предательстве рабочего движения», «экономизме» и т. п., порвала с социал-демократами. Участница «Союза освобождения», в числе организаторов и руководителей «Союза Союзов». После Октябрьской революции в оппозиции к большевикам; была одним из руководителей

Спасибо за Ваше интересное письмо. Буду очень рад, если как-нибудь при случае еще напишете. Мне тут во всех отношениях хорошо, но все же я испытываю некоторое одиночество, так как в Дикийной¹³ жизни почти не участвую – есть в ней страшноватые черты, а из своих людей здесь почти никого нет, кроме Галины Николаевны, сестры очаровательного Габричевского¹⁴, и, пожалуй, еще Цурикова¹⁵, милого, но несколько провинциального русского барина, для которого весь мир клином сошелся на разногласии Струве и Милюкова. По нашим временам, маловато.

Шлю самый сердечный привет.

Искренно преданный Вам

Федор Степун

P.S. В июне – я, конечно, выслал русский оригинал. Но он, хоть и напечатан на машинке, трудно читается. Много карандашных исправлений и вставок.¹⁶

2.¹⁷

21.IV. 50

Дорогой Владимир Васильевич,

большое спасибо за Вашу книгу¹⁸ и за дружественную надпись на ней. Я с нетерпением в свое время ждал очередного номера «Нового журнала» в надежде прочесть Вашу рецензию о моих воспоминаниях. С горечью прочел рецензию Марка Вениаминовича¹⁹. Важно не то, что он меня ругает (к этому я привык), а то, что он все-таки меня не понимает. В свое время я с Карповичем²⁰ сговорился, что писать будете Вы. Так как это дело прошлое, то перехожу к будущему. Один мой мюнхенский знакомый, пребывающий ныне за океаном, предложил мне и Мельгунову, что он напишет о моих воспоминаниях. Я написал Сергею Петрови-

Помгола (Комиссии помощи голодающим при ВЦИК). В 1921 выслана на Север, в 1922 — за границу.

¹³ Д.П. – Displaced Persons («перемещенные лица»).

¹⁴ Габричевский Г.Г. Выступал с лекциями вместе со Степуном в Русской гимназии в Мюнхене Дом «Милосердный Самарянин».

¹⁵ Цуриков Николай Александрович (1873-1957) – общественный деятель, публицист, автор мемуаров, статей о Пушкине.

¹⁶ примечание написано от руки

¹⁷ Все письмо написано от руки черными чернилами и чужим почерком, правка и приписка в конце письма написаны зелеными чернилами рукой Степуна.

¹⁸ Скорее всего речь идет о книге: Weidlé W. La Russie absente et présente. P., 1949 (*Россия отсутствующая и присутствующая*). Книга принесла автору Риваролевскую премию и была переведена на ряд языков.

¹⁹ Речь идет о Марке Вениаминовиче Вишняке (2 января 1883, Москва – 31 августа 1976 г. Нью-Йорк), российском юристе, публицисте, бывшем эсере, эмигранте, постоянном оппоненте Степуна. Его рецензия была опубликована: Новый журнал. 1949. № 22. С. 299-304.

²⁰ Карпович Михаил Михайлович (1887-1959), историк, профессор Гарвардского университета, главный редактор *Нового журнала* с 1946 по 1959.

чу²¹, что попрошу Вас, с чем он согласился, не будучи, кажется, вполне уверен, что согласитесь Вы. Если его сомнение не основательно, то буду рад прочесть Вашу рецензию в *Возрождении*²². Предлагавший мне написать человек рожден в Белграде, старой России не знает, да и по образованию своему не в силах справиться с темой.

Что будет происходить дальше? Достаточно ли Ваша оценка моей работы для ее принятия УМС-ой или обязательна еще дальнейшая экспертиза? Вопрос этот имеет для меня только тот смысл, что если Вашего суждения достаточно, то я сейчас же засел бы за окончательную отделку текста (Вы сами знаете, какая это большая работа). Если же вопрос еще не решен, то я, быть может, выслал бы текст первой части в том виде, в каком он находится у меня, с поправками, но и с недоделанностями. Затем мне очень хотелось бы знать следующее: не мешает ли принятию рукописи ее частичное опубликование в журнале? В Германии это приветствуется, т.к. способствует распространению книг. Но, может быть, у Вас в УМСА другие нравы и мысли. Буду очень благодарен за ответ.

Думаете ли Вы выпустить Вашу присланную мне книгу на немецком языке у Вашего швейцарского издателя Rässler'a? В ней, как во всем, что Вы пишете, очень много интересного. Сейчас я перечитываю для подготовки университетского курса о России и Европе Ваши статьи в «Современных записках». Перечитываю с сочувствием, ибо, как и Вы, уверен в том, что, несмотря на интересные открытия евразийцев, мы все-таки не Азия, а Восточная Европа. К сожалению, Гитлер весьма укрепил и, конечно, вульгаризировал Евразийское понимание России в Германии²³. С этим приходится бороться. Даже толпу в «Борисе Годунове»

²¹ Мельгунов Сергей Петрович (1879-1956) – В 1906 году член партии кадетов. С 1907 года член Народно-социалистической партии. В 1911 году один из основателей кооперативного издательства «Задруга». В 1913-1923 годы редактор-издатель журнала *Голос Минувшего*. Октябрьскую революцию не принял. По делу «Тактического центра» в 1920 был приговорён к смертной казни, заменённой 10 годами тюремного заключения; освобождён в 1921 году под давлением научной общественности. В октябре 1922 года выслан за рубеж. Самая известная его книга *Красный террор в России. 1918-1923*. С 1926 несколько лет издавал журнал *Борьба за Россию*. Во время Второй мировой войны, находясь под Парижем, решительно отверг любую форму сотрудничества с Германией. В 1949-1954 редактор журнала *Возрождение*.

²² *Возрождение* – литературно-политический журнал консервативного направления (1949-1974), издавался при финансовой поддержке нефтепромышленника А.О. Гукасова.

²³ Возможно, Степун имеет в виду следующий пассаж из книги *Mein Kampf*: «Выдав Россию в руки большевизма, судьба лишила русский народ той интеллигенции, на которой до сих пор держалось ее государственное существование и которая одна только служила залогом известной прочности государства. Не государственные дарования славянства дали силу и крепость русскому государству. Всем этим Россия была обязана германским элементам – превосходнейший пример той громадной государственной роли, которую способны играть германские элементы, действуя внутри более низкой культуры. Именно так были созданы многие могущественные государства на земле. <...> В течение столетий Россия жила за счет именно германского ядра. Теперь это ядро истреблено полностью и до конца. <...> Это гигантское восточное государство неизбежно обречено на гибель» (Гитлер А. Моя борьба. Каунас, Б.г. С. 556).

гримируют под Татар и Черемисов, разрушая тем самым всю глубину пушкинской религиозно-нравственной концепции.

Ну, пока, кончаю.

Шлю Вам самый сердечный привет. Кажется, Вы были во Франкфурте? Я бы попытался с Вами увидеться, но мы уже 11-го были в Швейцарии.

Искренне Ваш Федор Степун.

P.S. Не удивляйтесь грязновато-малограмотному облику этого письма. Писала случайно оказавшаяся здесь в деревне неоземгрантка. Писать самому бесконечные письма трудно. Дабы меня можно было прочесть, я должен буквы почти что рисовать.

С середины мая мы опять в Мюнхене.

3.

Мюнхен, 1 ноября 1956 г.

Дорогой Владимир Васильевич!

Пересылаю, как обещал, мою радиорецензию на Вашу прекрасную книгу. Читая ее, установил очень большую близость наших точек зрения на Россию и ее культуру. Может быть, во мне несколько больше московской сдобы, а [в] Вас петербургского гранита²⁴.

В скобках места, которые пришлось выпустить, дабы не превысить разрешенные 10 минут.

Наталия Николаевна и я шлем Вам и Вашей жене наш сердечный привет.

Посодействуйте тому, чтобы на вечере Зайцева²⁵ было побольше людей. Вечер будет или 28 или 29 ноября, после дня Русской Культуры, который состоится в воскресенье 25.

Ваш Федор Степун

²⁴ Речь идет о книге: Вейдле В. Задачи России. Нью-Йорк, 1956. Там говорится (в очерке «Петербургские пророчества») о разнице московского и петербургского начала. На этой теме и играет Степун, говоря о себе, как о москвиче, а о Вейдле, как о петербуржце.

²⁵ Зайцев Борис Константинович – русский писатель (1881-1972). О его творчестве Степун написал статью: «Борису Константиновичу Зайцеву – к его восьмидесятилетию».